

ЛИЧНОСТЬ ПРЕСТУПНИКА

Ю. М. Антонян*

ОДЕРЖИМОСТЬ ИДЕЕЙ КАК МОТИВ ПРЕСТУПНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Аннотация. Статья посвящена мотиву, который в отечественной научной литературе еще не выделялся в таком качестве и не исследовался. Во многом это объясняется тем, что в отечественной криминологии не привлекали к себе должного внимания преступления, порождаемые тоталитарными режимами (исключение — монография В. Н. Кудрявцева и А. И. Трусова «Политическая юстиция в СССР», 2002) и церковью. В статье исследованы понятия одержимости идеями, названы виды одержимости, которые будут предметом изучения в настоящей статье: в связи с исповеданием религиозной веры, установлением тоталитарной диктатуры, фанатизмом футбольных болельщиков. Приводятся многочисленные данные о злодеяниях католической церкви, роли одержимости в установлении нового (тоталитарного) строя и удержания власти. Подчеркивается роль толпы, в связи с чем обосновывается ее деление на толпу-стаю и толпу как определенный слой общества. Одержимые стимулируют толпу и в то же время выявляют в ней фанатиков, готовых выполнять любые поручения, в том числе самые кровавые. Приводятся необходимые аргументы.

Ключевые слова: одержимость, идея, церковный фанатизм, религиозные одержимые, толпа как социальный слой, толпа-стая, исламский фанатизм, суицидальная одержимость, воспитание фанатиков, футбольный фанатизм.

DOI: 10.17803/1729-5920.2017.129.8.147-161

Проблема мотива и в целом мотивации преступного поведения всегда была в центре научных интересов отечественной криминологии. Однако далеко не все из них исследовались с одинаковой интенсивностью и глубиной, в первую очередь по причине слабости психологических знаний юристов. Некоторые мотивы не исследовались вообще, т.е. отдельные стимулы преступного поведения не привлекали к себе внимания именно в качестве мотивов такого поведения. К ним можно отнести одержимость идеями, фанатическую преданность ей. Конечно, существует и нефанатическая, рациональная и осмысленная преданность идее; такое отношение к ней, как правило, спокойное и разумное, что не исключает ошибочности самой идеи.

Одержимость представляет собой всеохватность собственной или чужой идеей или идеями, которые выступают перед человеком сверхценными, главными для него и, возможно, для других тоже — для семьи, общины, референтной группы, общества и даже всего мира. Эта идея подчиняет себе всего субъекта: его желания, помыслы, планы, его время и даже всю жизнь, он ради идеи иногда может пожертвовать своей жизнью и жизнью других, в том числе друзей и родных. Сама идея бывает неспособна выдержать критику, в ней всегда есть слепота, слепая вера, отсутствие разумности и желания знать доказательства существования того, что составляет содержание и смысл идеи. В равной мере в самой одержимости

© Антонян Ю. М., 2017

* Антонян Юрий Миранович, доктор юридических наук, профессор Московского государственного областного университета, заслуженный деятель науки РФ
antonuya@yandex.ru
105505, Россия, г. Москва, ул. Радио, д. 10а

совершенно нет и не может быть понимания того, на чем основана субъективная преданность ей, в чем причина (или причины) безоговорочного, нерассуждающего приятия ее.

Одержимость часто бывает у ригидной личности, но она даже у одного человека может быть не вечной, а со временем может исчезнуть вообще. Одержимость наблюдается у психически нездоровых людей. Если одержимый способен подчинять себе других людей, как, например, Гитлер или Сталин, его общественная опасность может быть очень высока.

На мой взгляд, фанатичность не отличается от одержимости. Хотя идей, которыми может быть одержим человек, достаточно много, здесь с позиций криминологии будут исследованы три: религиозная, политическая и спортивная. Религиозная, пожалуй, самая древняя, потому что уже первобытные люди верили в высшие силы, управляющие всем миром и ими самими. Политическая, если иметь в виду различные утопические учения построения общества (государства) всеобщего счастья, появилась в позднее Средневековье. Спортивная — самая молодая, зародившаяся в первой половине XX в. и бурно расцветшая со второй его половины с переходом в XXI столетие; она связана в основном с футболом. Все одержимые становятся рабами своих идей и, за исключением футбольных фанатов, постепенно теряют человеческие черты.

Самих идей, как отмечалось, великое множество: от идей о своем здоровье до идей спасения человечества, причем некоторые из них могут носить бредовый характер. Многие такие бредовые идеи, если они относятся к политике — политические идеи, — могут признаваться подлинными и с энтузиазмом подхватываться толпой (например, бредовая идея Гитлера о мировом господстве германской нации). Тогда она становится идеологией. Превращение политической или религиозной идеи в идеологию толпы делает ее практически неуязвимой, разоблачать ее может быть бесполезно и даже очень опасно.

Идея способна родиться в мозгу одного или нескольких людей, сформироваться им (или ими) и постепенно расползтись. Она становится, хотя и не сразу, идеологией, если ей будут способствовать экономические, психологические, ментальные, духовные и иные важные условия. Став религиозной или политической идеологией, она начинает обратное воздействие на общество, порождая новые нравы и обычаи,

нормы повседневного общения людей, а также на экономику и культуру. Последним она может способствовать, как, например, протестантизм капитализму, или препятствовать, как коммунизм препятствовал прогрессу материального производства и культуры. Характер влияния идеологии на весь ход общественного развития определяется той ролью, какую играет породившая ее социальная группа. Идеология, защищающая отжившие ценности, всегда реакционная.

Криминогенной может быть не только одержимость идеей, но и преданность ей, равно как и подчинение дисциплине, служебному, в том числе воинскому, долгу и конформизм. Адольф Эйхман, немецкий военный преступник, казненный в Израиле, не был одержим фашистской (нацистской) идеей, но, как и многие его соотечественники, «лишь» скрупулезно выполнял свой служебный долг. Здесь же мы рассматриваем только одержимость идеей, причем одержимость, кстати, может быть нравственно более чистой, чем преданность или подчинение дисциплине, в которые могут быть вкраплены карьеризм, корысть или иная материальная выгода. Одержимости обычно чужды расчет или стремление к земным благам, в чем убеждают, например, жизнь и деяния многих признанных святыми в различных религиях. Одержимые не умеют рассчитывать и прогнозировать, критически воспринимать раз и навсегда принятые ими ценности; они недалекновидны и часто попросту глупы, что не снимает вопроса об общественной опасности некоторых из таких людей.

Одержимый переживает свою идею на высшей точке субъективного напряжения, не считаясь ни с какими доводами или доказательствами, которые позволили бы усомниться в правдивости идеи и ее нужности людям (а то и человечеству!) и ему лично. Сомневающийся в ней, опровергающий ее и борющийся с ней может восприниматься в качестве врага, подлежащего уничтожению. Врагом нередко признается и тот, кто просто равнодушен к «великой» идее, вспомним В. В. Маяковского: «И тот, кто сегодня поет не с нами, тот — против нас!»

Не вызывает сомнений, что среди одержимых идеей немало лиц с расстройствами психики: среди тоталитарных правителей (Гитлер, Ленин, Сталин), истово верующих, например православных юродивых, футбольных фанатов, устраивающих побоища на стадионах. Сама одержимость может быть патологической, свя-

занной с некрофилией как мотивом преступного поведения, а также садизмом, тоже как мотивом такого поведения. Я имею в виду убийства ради убийства, в которых субъективный стимул может носить амбивалентный (двойственный) характер тяготения — отвергания, т.е. желания убить и в то же время страха перед смертью. Садизм же в качестве мотива наполнен желанием получения удовольствия путем причинения страданий и мучений другому.

Для одержимого ума мир и вселенная не представляют особой сложности, коль скоро они созданы одной волей творца, а все их ценности сосредоточены в мессии. Но отношение к ним нельзя назвать мягким и изящным, оно скорее наполнено немалой энергией, порой неистовой или близкой к этому. Отсюда и агрессия, обрушивающаяся на других, которые, по мнению одержимого, в чем-то виновны перед его кумиром, не верят в него или верят недостаточно, предпочитают другие божества и ценности.

Сознание одержимого — черно-белое; оно не приемлет никаких иных цветов или полутонов, оно архетипично, строго разделяя всех на своих и чужих, оно не признает компромиссов и полюбовных соглашений, неизменно настаивая на своей правоте, оно часто не знает милосердия и пощады. Одержимый способен и на добрые, и на злые дела, но всегда делает их, образно говоря, с пеной у рта.

Остановимся на религиозной одержимости. Она обычно трагична, поскольку мир и его судьбы окрашены в черные тона, а представления о них питаются тяжкими думами и ощущениями всеобщей греховности и грядущих наказаний, безусловных заслуженных, брэнности всего живого. Облагораживающая печаль одержимым не свойственна, но все подчинено фанатической вере в творца или мессию, при этом возможно, что божество не очень четко конкретизировано. Главное же заключается в том, что оно охватывает всего человека, даже требуя, чтобы он принес себя в жертву. Если это так, то принести в жертву другого или других становится вполне естественным, ведь «человек рождается на страдание...», утверждал Иов (Иов, 5:7).

Христианский мир никогда не жил по заветам Христа, и, следовательно, он потерпел поражение в этом мире, но в разной мере и другие культуры не существуют по правилам своих светочей. Для средневекового европейца дьявол, демон, ведьма, колдун и т.д. были таки-

ми же реальностями, как для нас автобус или мобильный телефон. С ними было необходимо бороться, и в этом особенно преуспели одержимые. В то же время Средневековье в Европе показало, что безоговорочное признание лишь одного бога и строгая обязательность верить лишь в него, т.е. господство одной (единственной) идеи, означает полное поражение цивилизации. В Древней Греции и Древнем Риме было множество богов, и каждый человек мог свободно выбирать себе религию.

Христианский средневековый мир в Европе избрал для себя иной путь, на многие века погрузив миллионы людей в невежество и мракобесие, что давало полный простор для бурной активности тех, кто был одержим идеями, точнее — предрассудками, заблуждениями, суевериями. Ведьм и колдунов преследовали. Многие священнослужители, вплоть до римских пап, церковные судьи и иные чиновники церкви, доносчики, палачи и, конечно, сами инквизиторы. Безумием было охвачено и само население Европы, темное и забитое. Свою религию европейцы считали христианством, но она к учению Христа не имела никакого отношения. По существу, это было движение к смерти, унесшее миллионы жизней.

Достойно сожаления, что теоретики марксизма, особенно Ленин, не учли кровавый средневековый опыт и сделали коммунизм единственной идеологией. Ее крайне агрессивно навязывали обществу, уничтожая всех, кто думал иначе. То же самое произошло в гитлеровской Германии и в других тоталитарных странах. Таким образом, принудительное господство одной идеологии всегда означает отрицание цивилизации и имеет самые трагические последствия.

Религиозных одержимых (равно как и исполнителей их идей) средневековой Европы можно считать преступниками лишь с весьма существенными оговорками: они не нарушали действовавшие законы, а, напротив, исполняли их; они не знали других законов (правил) морали, иных ценностей. Все жили в одном темном подземелье, которое мы теперь называем мракобесием, искренне считая, что есть ведьмы, черти, демоны, дьявол и т.д. Нацистские, фашистские и большевистские одержимые, веря в свои идеи, тем не менее знали, что, насильно внедряя их, карая за неприятие их или отступление от них, грубо попирают общечеловеческие ценности. Поэтому они подлежат суду и наказанию.

Средневековые же религиозные одержимые (фанатики) могут считаться преступниками лишь с наших, современных позиций.

Для иллюстрации средневековых религиозных, точнее — церковных, помешательств приведу данные из предисловия С. Лозинского к печально известной книге Я. Шпренгера и Г. Инститориса «Молот ведьм».

«... Уже давно факт существования дьявола церковью был точно установлен, и дело в конце XV века шло не о теоретических доказательствах и не о приведении всё новых и новых фактов, а о том, как лучше всего бороться со всемогуществом и вездесущностью дьявола, и папа Иннокентий VIII своей знаменитой буллой *Summis desiderantes*, так называемой “ведовской буллой”, указал, что основной задачей германской инквизиции отныне является беспощадная борьба с ведовством и окончательное его истребление, так как зло это приняло слишком большие размеры, чтобы инквизиция могла к нему относиться со снисхождением и с некоторым ослаблением. Против дьявола, в своей дерзости дошедшего до стремления овладеть всем человечеством, церковь обязана выступить во всеоружии своей мощи и энергии. Дьявольское упорство во что бы то ни стало должно быть уничтожено.

И началась эра страшных, кровавых преследований всех, заподозренных в той или иной степени в сношениях с дьяволом и его сотрудниками.

Таково историческое значение той буллы, во имя которой в течение свыше двух столетий сжигали, мучили, терзали и уничтожали суеверных, больных, жалких и невежественных людей. Булла эта была поворотным пунктом в деятельности инквизиции, которая с этого момента сосредоточила главное свое внимание на ведовстве и не столько стремилась к установлению чистоты католической веры и правильности отдельных догматов, сколько к искоренению той страшной силы, которая дерзала овладеть человечеством, чтобы вырвать его из лона церкви и из ведения самого бога.

Сицилийский инквизитор Людвиг Парамо, восхищенный той энергией в борьбе с ведьмами, которую развила инквизиция благодаря булле о ведьмах Иннокентия VIII, писал: “Нельзя не указать, какую великую услугу инквизиция оказала человечеству тем, что она уничтожила огромное количество ведьм. В течение 150 лет были в Испании, Италии, Германии сожжены по меньшей мере 30 000 ведьм. По-

думайте лишь! Если бы эти ведьмы не были истреблены, какое неимоверное зло они причинили бы всему миру”.

Так как Парамо писал эти слова в 1598 г., то в число 30 000 не могли войти ни 900 ведьм, сожженных в Лотарингии в течение 15 лет Николаем Реми во второй половине XVII века, ни 700 погибших в Фульде от руки свирепствовавшего в XVII в. Балтазара Фосса, ни 600 сожженных в Бамберге в течение 1624—1630 гг., ни бесчисленное множество других, погибших в огне во исполнение буллы папы Иннокентия VIII.

Определить даже приблизительное количество жертв буллы Иннокентия VIII нет возможности: почти ежегодно публикуются различными провинциальными архивами протоколы процессов против ведьм, и жуткая картина бессмысленных жестокостей обогащается все новыми деталями. Вот небольшой город Роттенбург на Некаре. Ежегодно в нем десяток-другой ведьм сжигается на костре, и городской совет чувствует “усталость” от этих процессов и начинает печалиться, что вскоре в Роттенбурге не останется в живых ни одной женщины (XVII век). В небольшом Оснабрюке за три месяца в 1588 г. была сожжена 121 ведьма, вокруг Оснабрюке пылают костры, и все женское население округа обречено на гибель.

По официальным данным, в 20 деревнях кругом Трира в 1587—1593 гг. было сожжено 306 человек; в двух деревнях осталось всего две женщины. В 1616 г. было сожжено 99 ведьм, в следующем году — 88. В местечке Эллингене за 8 месяцев в 1590 г. было сожжено 71. В Эльвагене иезуиты возвели в 1612 г. на костер 167 человек, а в Вестерштетене за 2 года — 600 человек. В Кведлинбурге в 1589 г. в один день погибло 133 человека. В Нейсее магистрат построил для ведьм специальную печь огромных размеров; в Бамберге был особый дом для ведьм, где их держали до суда; их кормили страшно солеными селедками, не давали воды и купали в кипятке, куда бросали перец. В Брауншвейге было воздвигнуто столько костров на площади казни, что современники сравнивали эту площадь с сосновым лесом. В Нассау в 1628 г. вышло постановление, чтобы в каждой деревне были особенные выборные люди, которые должны были сообщать обо всех подозреваемых в колдовстве особым комиссарам, путешествовавшим для этого по стране. Вскоре тюрьмы наполнились сознавшимися под пыткой во всех ужасах сатанинских оргий. В народе господствовало такое

возбуждение, что многие сами себя выдавали за ведьм. В Манке в 1853 г. иезуитам хитростью удалось изгнать из 16-летней девушки Анны Шлуттенбауер 12 655 чертенят; после этого была подвергнута пытке ее 70-летняя бабушка, которая созналась, что уже 50 лет она находится в связи с дьяволом, ездит на шабаш, насылает непогоду и т.д. Ее осудили, поволокли к месту казни, привязав к хвосту лошади, и сожгли заживо. В Женеве за короткий промежуток времени в 1542 г. было сожжено 500 ведьм. В 1546 г. тюремный смотритель донес городскому совету, что все тюрьмы переполнены ведьмами, и палач заявил, что сил одного человека недостаточно, чтобы справиться с палаческими обязанностями.

В Цукмантелле на постоянной службе у инквизиторов находилось не менее 8 палачей. Здесь в 1639 г. было предано огню 242 человека, через несколько лет было сожжено 102, в числе которых было двое детей, признанных детьми дьявола. В Берне за годы 1591—1600 сжигалось в среднем ежегодно по 30 ведьм, а в Коломбье ежемесячно (в среднем) в период от 1602 г. до 1609 г. погибало 8 человек. В Эльзасе, Швабии и Брейсгау в XVII в. непрерывно жгли людей: в 1620 г. сожжено 800 человек, и всем кажется, что чем больше будут сжигать людей, тем больше будет ведьм. «Словно из пепла, — говорит Штебер в своем описании Эльзаса, — появляются ведьмы».

Во Франции свирепствует эпидемия оборотней: волки рыщут по деревням, но это не обычные волки, а дьяволы и ведьмы в образе волков. Парламент Франш-Конте в 1573 г. предоставляет крестьянам в окрестностях Доля право свободно охотиться на волков-оборотней. В области Юры в это время, пишет летописец, были разговоры лишь о волках, и ликантропия (вера в оборотней) приняла характер настоящей эпидемии. Многие воображали себя обросшими шерстью, вооруженными ужасными костями и клыками и утверждали, что во время своих ночных скитаний они разрывали людей, животных, а в особенности детей. Французский судья Бог (Bogue), известный в конце XVI в. своей деятельностью в отношении ведьм, посвятил себя специально сжиганию оборотней и написал о них книгу, сопровождая ее кодексом правил для суда над

ликантропами. Специалистом в этой же области был и весьма энергичный де Ланкр, также оставивший литературный памятник о своем безумии»¹.

Европа уже давно изжила свой позорный религиозный фанатизм. Однако почти такой же переживает современный ислам, который на 6—7 веков младше христианства, а поэтому ему свойственны присущие этому «возрасту» фанатизм и грубые заблуждения. Правда, в отличие от христианства в Средние века, рядом и одновременно с ним — современное христианское общество с совсем иными ценностями. Ислам очень неоднороден, и в нем есть вполне гуманные и этически достойные течения и регионы, например в Российской Федерации, что следует объяснить и влиянием других культур.

Исламский фанатизм находит свое выражение в следующих формах:

1. В террористических выпадах против стран и людей другой культуры, в первую очередь христианских. Часто они выражаются в самоубийственном терроризме. Впрочем, жертвами религиозного терроризма со стороны исламских боевиков были и мусульмане.
2. В ведении войн против государств, в составе которых мусульмане живут в рамках анклава, например Чечня в России.
3. В попытках вернуть свои исламские страны к раннему, исконному, «чистому» исламу. Классический пример — попытка создать так называемое Исламское государство на территории Сирии и Ирака.

В контексте усложняющейся социальной жизни и одновременного умножения технических возможностей современный терроризм становится многоликим, в том числе в выборе способов реализации преступных замыслов. К числу самых распространенных относится ныне самоубийственный терроризм — действия самоубийц, чаще всего одиночек, взрывающих на себе специальные устройства. Обычно это влечет гибель многих людей. К самоубийственным террористическим актам чаще всего прибегают исламские экстремисты (события 11 сентября 2011 г. в США, акции моджахедов в Израиле, России, Ираке и других странах). Но точно так же поступали и терро-

¹ Лозинский С. Роковая книга Средневековья [предисловие] // Шпренгер Я., Инститорис Г. Молот ведьм. Саранск, 1991. С. 50—52.

ристы в Индии, когда была убита премьер-министр Индира Ганди. Исключительная опасность самоубийственного терроризма делает необходимым научное осмысление данного явления. Все это делали одержимые религиозным фанатизмом люди.

Самоубийцами-террористами, как показывает мировой опыт, часто выступают дети и подростки. Для Палестины это, к несчастью, стало обыденным явлением. Иначе трудно расценить тот факт, что 27 июня 2002 г. палестинское телевидение показало фильм под названием «Дети-патриоты и мученическая смерть», в котором приводятся высказывания доктора Фаделя Абу Хина, «ученого», психолога, относительно феномена участия детей в палестинской «интифаде». Абу Хин, в частности, отметил, что слово «шухада» (акт суицидального террора) имеет обязывающее значение для большинства палестинских детей и для всей исламской общины, причем оно отнюдь не означает безвременного ухода из жизни. Посредством такого действия ребенок может стать активным участником «интифады». Абу Хин также представил вниманию телевизионной аудитории результаты социологического опроса, проводившегося сотрудниками Исламского университета в апреле 2001 г.; в опросе учитывались мнения тысячи подростков в возрасте от 9 до 16 лет, проживающих в секторе Газа. Среди опрошенных 49 % уже принимали активное участие в «интифаде» и 73 % заявили о своем желании стать «шахидами» (мучениками). Подобные статистические выкладки наглядно свидетельствуют о том, что в настроениях детей и подростков на палестинских территориях преобладают экстремистские тенденции и такие дети представляют собой идеальную вербовочную базу для организаторов антиизраильской террористической кампании. Можно также сослаться на другое телевизионное интервью, в котором воспитательница детского образовательного учреждения говорит о том, что «детские сердца переполнены не только ужасом, но и стремлением совершить “шухаду”»; акт «шухады» превратился в объект мечтаний для многих палестинских детей, полагающих, что только таким путем можно добиться высокого авторитета среди соотечественников и заслужить «вечную славу».

Из детей легче всего воспитать фанатиков и одержимых, они доверчивы и подчиняются взрослым, желая получить их одобрение и похвалу.

Часто самоубийцами выступают молодые женщины, в частности из маргинализированных общественных слоев. Последние, как правило, неудачницы в жизни: не имеют семьи, потеряли близких родственников во время военных действий или при совершении последними террористических актов, не могут найти своего места в жизни. Как правило, самоубийцы-террористы — это фанатически настроенные лица, а их фанатизм питается религией и ненавистью к народу, который они считают своим врагом.

Как показывает изучение проблемы самоубийственного терроризма израильскими специалистами, обязательным элементом подготовки к проведению суицидального террористического акта является составление «завещания шахида». Подписав такое завещание, «шахид» тем самым принимает на себя обязательства перед самим собой, Аллахом, соотечественниками и своими командирами и наставниками. Одновременно «завещание шахида» служит официальной санкцией на отправку смертника к месту исполнения теракта; «шахид», подписавший такое завещание, не имеет права отказаться от возложенной на него миссии.

Основные концептуальные положения «завещания»:

- почетная «привилегия» погибнуть смертью праведника, с последующим вознаграждением самого «шахида» и его родственников после попадания в рай и в доказательство величия Аллаха; призыв к ведению «джихада» с целью освобождения священной Палестины и Иерусалима;
- «практическая» и националистическая аргументация: мотивы самопожертвования носят исключительно альтруистический характер; основная цель — освободить палестинцев и других мусульман от гнета израильских оккупантов; необходимость возмездия; обращение с призывом о помощи к братьям в арабском мире, зачастую сопровождаемое критикой в адрес «мягкотелых» представителей арабской правящей элиты;
- персональная аргументация: стремление стать героем; восхищение шахидами-предшественниками и готовность повторить их подвиги; желание прославиться и покрыть неувядаемой славой членов своей семьи; «шахиды» считают себя духовными учителями и наставниками; прощальное обращение к родственникам (особенно к матери) с просьбой поздравить «шахида», которому предстоит «обвенчаться со смертью».

Наши изыскания показывают, что психологическая подготовка обеспечивает воздействие на психику человека с целью убеждения его в необходимости, обоснованности и целесообразности совершения самоубийственного шага, подавления воли и полного, если требуется, подчинения «наставнику». Проще сделать подобное в отношении лиц с повышенной внушаемостью или с сильным чувством вины, что весьма характерно для акцентуированных и психопатических личностей, фанатически настроенных, склонных видеть причины собственных провалов и неудач или незavidного, по их мнению, положения своего народа в «коварных происках» представителей других культур, причем тут этническая и религиозная принадлежность «врагов» имеет первостепенное значение.

Среди исламских экстремистов завидным объектом внушения для последующего террористического использования всегда были женщины, поскольку они занимали в обществе подчиненное положение. С их желаниями и мнениями можно было не считаться: они просто обязаны делать все, что прикажет мужчина, тем более облеченный властью. Достаточно распространены систематические расправы над женщинами, которых определили в террористки-самоубийцы: их постоянно избивают, унижают, грозят убийством, подвергают групповому изнасилованию, в связи с чем угрожают разглашением позорящих сведений и т.д. Доведенные до отчаяния, они начинают видеть в самоубийстве желаемый выход из тупиковой ситуации. Особенно часто кандидатами в террористки-самоубийцы оказываются молодые женщины, мужья которых и другие близкие погибли во время войн или этнорелигиозных конфликтов. В отношении них активно эксплуатируется чувство вины, им постоянно внушается, что они обязаны мстить.

Очень восприимчивы к фанатическому «воспитанию» истеричные и истероидные женщины, последние — чтобы показать себя, возвыситься над другими.

Руками фанатиков-фундаменталистов, исповедующих ислам, было создано Исламское государство. До этого такие же личности построили Исламское государство Ирака и Леванта, которое 29 июня 2014 г. объявило об образовании халифата со столицей в г. Мосуле и поменяло название на Исламское государство (ИГ, Islamic State). Главой государства (халифом) стал Абу Бакр аль-Багдади.

Необходимо отметить, что во время боевых действий в Сирийской Арабской Республике обострение отношений между ИГ и «Аль-Каидой» переросло в открытый конфликт, так как Исламское государство стало претендовать на лидирующее положение в регионе, что противоречило интересам лидеров «Аль-Каиды». На объявление халифата последовала резкая реакция одного из идеологических лидеров «Аль-Каиды» иорданского происхождения Исамы Тахир аль-Баркауи (известного как Абу Мухаммад аль-Макдиси), обвинившего ИГ в игнорировании других эмиратов (Эмират Афганистан и Кавказский Эмират), а также в жестокости и несправедливых убийствах людей.

Кроме того, наиболее остро развернулся конфликт между Исламским государством и группировкой, которая считается официальным отделением «Аль-Каиды» в Сирии — «Джебхат ан-Нусра».

В январе 2014 г. против боевиков ИГ выступили сирийские группировки «Армия моджахедов», «Повстанческий фронт Сирии», «Исламский фронт» и «Джебхат ан-Нусра».

Насаждаемая ИГ трактовка религии и жестокость в отношении несогласных, похищения людей и участвовавшие публичные казни противников на контролируемых территориях оттолкнули от него большинство недавних союзников. Столкновения между ИГ и другими группировками только с начала 2014 г. унесли свыше 6 тыс. жизней.

После создания Исламского государства Ирак организация ставила целью захват суннитской части Ирака и превращения ее после вывода сил международной коалиции, возглавляемой США, в военизированное исламское суннитское государство. Его границы предполагалось установить в пределах провинций Багдад, Анбар, Дияла, Киркук, Салах-эд-Дин, Найнава и некоторых районов провинций Бабиль и Васит.

В это же время принимается проект Конституции, названный Уведомлением человечества о рождении Исламского государства. При этом предприняты шаги для теоретического обоснования и придания ему законного статуса. В частности, на исламистских сайтах размещено заявление о возникновении Исламского государства Ирак, сделанное Усманом бин Абд ар-Рахманом ат-Тамими в ответ на заявления различных группировок, в том числе и исламистских, в которых говорится о несостоятельности такого государства.

Одновременно руководство ИГ открыто заявляет о намерениях распространения своей деятельности на территории других стран, в том числе государств СНГ. Так, после объявления о создании Исламского государства его руководство призвало джихадистов со всего мира присягнуть ему на верность. При этом следует отметить, что определенная часть населения в Сирии и Ираке уже принесли присягу халифату.

Тех, кого можно отнести к политическим одержимым, следует разделить на три группы:

- 1) те, кто сами создают и формулируют «бесмертные» идеи и внедряют либо пытаются внедрить их в жизнь. Они обычно бескорыстны, как, например, Гитлер и Ленин, но корыстны, заботящимся о личной роскоши был Мао Цзэдун, грозный и опустившийся развратник;
- 2) второй круг — это особо приближенные к первым люди, высшие чиновники тоталитарных государств. Оголтелыми фанатиками Гитлера и его идей были, например, Гесс и Геббельс. В советском окружении Сталина были преданные идее люди, но и те, кто просто жаждал власти, например Берия, который был слишком умен, чтобы верить в коммунистические бредни. Такие же сомнения у меня и в отношении самого Сталина, о котором с абсолютной точностью можно сказать, во что он неистово верил и к чему столь же страстно стремился — в личную власть. Он, скорее всего, не был одержимым, преданным «великой» идее;
- 3) люди толпы, рядовые исполнители, которые восторженно поклонялись и готовы были выполнить любые указания и приказы вождей. К сожалению, перед судом истории (и «людским» судом) обычно оказываются представители первых двух групп.

В толпе немало одержимых, толпа обильно снабжает систему доносчиками, палачами, надсмотрщиками и прочим, столь же полезным для вождей людом.

Чем мельче человек, чем меньше масштаб его личности, тем больше он нуждается в вожде. Очень важна роль в его идентификации массовых людей с ним. Чем беспомощнее массовый человек, тем глубже прячется эта потребность в чувстве единства с ним, склонность же к идентификации выступает психологиче-

ской основой национального нарциссизма, т.е. уверенности в себе отдельного лица благодаря его ассоциации с правящим классом или нацией. Благодаря такой идентификации простой человек ощущает себя частью вождя, защищая свою религию, нацию или социальный слой, а следовательно, причисляет себя к расе господ. Со временем такой человек утрачивает сознание своей ничтожности и оправдывает свои действия преданностью вождю и делу, которому он служит.

Для человека великой державы очень важна идея принадлежности к ней через великую персону. Что-то от этой персоны переходит «ко мне», ведь «мне» «принадлежит» такая держава, а значит, и ее мудрейший вождь. Если враги поносят «твою» державу и ее вождя, то, значит, и «тебя», и вообще ругань в ваш адрес говорит лишь о том, что «нас» боятся в том числе, а возможно — и в первую очередь потому, что у нас такой вождь. Причем его ненавидят только толстосумы, а простой народ, вроде нас, его очень любит и уважает. Ведь не даром везде написано, что он вождь трудящихся всего мира.

Роль питательной почвы для одержимости играет толпа-стая².

Толпу-стаю прежде всего надо отделить от публики на концертах, зрелищных мероприятиях, в театре, церкви и т.д. Толпа-стая не обязательно должна собираться с целью что-то разрушить, разорить, уничтожить, хотя это бывает достаточно часто, особенно если иметь в виду религиозных фанатиков или футбольных болельщиков. Она может собраться также в связи с манифестациями, для требования справедливого приговора либо освобождения невиновного, восстановления каких-то нарушенных прав, приветствия любимого актера и по множеству других поводов.

Наблюдатели часто видят в сборище народа концентрацию общественного психоза, сходного с наркотическим или гипнотическим психозом. И толпа, пока пребывает в этом состоянии, способна верить всему или почти всему, что ей скажут, и сделает такая толпа все, что ей прикажут. Они будут подчиняться любому призыву, каким бы бессмысленным он ни был. Очень важен повод для сбора толпы: одно дело требование справедливого приговора и совсем другое — разгромить болельщиков враждебной команды.

² О толпе-стае см., например: Канетти Э. Масса и власть. М., 1997. С. 105—140.

Если исключить религию, толпа лишена духовности и не преследует духовных целей. Толпа же религиозных фанатиков, готовая разорвать на части любого, кого сочтет врагом своей религии, в сущности, заботится как раз не о ней, а о себе. Преследуя и унижая религиозных врагов, ненависть к которым все объединяет и спланирует, она защищает сама себя. Толпа фанатиков (любых!) не способна к рассуждению, но если, фантазируя, приписать ей эту невероятную для нее способность, то она должна прийти к выводу, что отстаивает то, что является фундаментом ее бытия. Поэтому масса как носитель идеологии и толпа как скопище склонны к экстремизму и его разновидности — терроризму, и она готова служить им людьми и материальными средствами, отдавать все свои симпатии и эмоции.

Толпа как скопище людей может полностью состоять из случайных личностей, до этого не знакомых друг с другом или знакомых с одним или двумя, например, с товарищами из числа спортивных болельщиков. Но она способна сформироваться из большого количества хорошо знакомых, например односельчан или жителей микрорайона либо товарищей по работе. Люди, требовавшие смертной казни для так называемых изменников в сталинском СССР, обычно были рабочими и служащими одного предприятия или учреждения. Их умело организовывали в стаю, и они проникались общим настроением в отношении объектов своей ненависти.

Толпа-стая дает каждому ощущение личной связи, причастности к очень важному, к идее, имеющей глобальное значение. Толпу объединяет в общность несколько броских фраз и лозунгов, захватывающих эмоций, что создает для индивида ощущение общности, но это уже не эрзац общности, а настоящая, подлинная общность и единство. Особенно влияют на подобного человека грандиозные, торжественные церемонии, так любимые в тоталитарных странах, постоянные собрания, шествия, митинги и т.д.

Толпа — это прежде всего группа, отличительная черта — вовлеченность участников в совместную деятельность, причем не каждый участник толпы как группы понимает, в какую именно деятельность он вовлечен и какие функции возложены на него или он возложил на себя сам. В зависимости от того, какой именно является группа, она может рассматриваться как создаваемая усилиями людей, каждый из

которых руководствуется собственными, независимыми мотивами либо подчиняется, даже слепо, общему настрою или общему влечению.

В толпе-стае, как правило, нет независимо мотивируемых субъектов, но они способны координировать друг с другом свои действия в той степени, в какой они соответствуют общему настроению или совместно поставленной цели. В такой толпе, особенно если она действует стремительно, ее участник может ничего не знать о том, кто с ним заодно, но какую-то информацию о нем, нужную для совместных поступков, он должен иметь. Вообще в повторяющихся и хорошо организованных ситуациях люди в состоянии действовать совместно и сравнительно легко потому, что они более или менее одинаково представляют себе, как следует поступить каждому участнику.

Толпа-стая всегда есть производное от толпы как носителя идеологии и менталитета. Наблюдения за гражданскими междоусобицами, особенно длительными, между толпами показывают, что у каждой стороны есть вдохновители и организаторы, обеспечивающие их не только материально и вооружающие, действующие тайно или открыто. Бывает и так, что для враждующих толп характерен один и тот же менталитет.

Толпа-стая требовала казни Христа, насмешками и издевательствами сопровождала его к Голгофе. Толпа-стая испускала крики восторга, когда в Европе сжигали еретиков на кострах. Толпа-стая активно способствовала приходу Гитлера к власти, когда уничтожала его противников и навязывала нацизм всем другим, она же крушила магазины, принадлежавшие евреям, а из самих магазинов воровала товары; люди из такой стаи потом служили в лагерях смерти, каждодневно проявляя садизм. Толпа-стая требовала в СССР крови так называемых предателей и врагов Сталина. Толпа-стая, умело организованная, и сейчас поддерживает истошными воплями любые действия властей. Толпа-стая футбольных болельщиков способна к погромам и убийствам, она вообще главное действующее лицо погромов в этно-религиозных конфликтах — не нужно разбираться в том, кто прав, а кто виноват, какова национальная, расовая или религиозная принадлежность человека, — ей ясно указывают, кто должен быть уничтожен и, следовательно, кто виновен.

Толпа, как скопище людей, есть и психологическое, и обычно социальное образование. Она может отрицать общечеловеческие ценности,

часто и действующие правила и законы, а мотивация ее поведения бессознательна, поскольку от нее всегда ускользает внутренний смысл ее поведения. Но ее преследуют не в любом обществе, в тоталитарном ее даже поощряют, направляют, ставят перед ней конкретные задачи. Она имеет своих представителей и защитников в массе, среди элиты, даже в государственной власти, особенно если она действует длительное время. Велики и значительны связи толпы среди одобряющего большинства, она нередко выступает в качестве представителя этого большинства, например в националистических или политических эксцессах.

Чтобы понять некоторые экстремистские проявления, например погромные действия футбольных фанатов, необходимо обратиться к феномену психологии толпы. Разумеется, к погромам прибегают не только футбольные фанаты, а ее психология проявляет себя и в других ее действиях.

Представление о толпе обычно рождается из личного опыта людей. Практически каждый либо бывал в толпе, либо видел ее поведение со стороны. Иногда, поддавшись простому человеческому любопытству, люди присоединяются к группе, рассматривающей или обсуждающей какое-то событие. Возрастая количественно, заражаясь общим настроением и интересом, люди постепенно превращаются в нестройное, неорганизованное скопление или толпу.

Толпа как скопление людей — это группа, в которой люди находятся в состоянии взаимного внушающего воздействия. Они стремятся подчеркнуть то, что их сближает, то, что у них было общего до встречи. Каждый из них сводит к минимуму свое личностное начало, которое могло бы привести к риску противостояния. Серж Московичи отмечал, что в ходе контактов и взаимодействий они все больше и больше стирают, сглаживают ту сознательную часть, которая их разделяет и делает непохожими друг на друга. Психическое единство толп, которое является результатом этого, не имеет иного интеллектуального или эмоционального содержания, как именно это бессознательное, вошедшее в дух и тело людей. Если мышление индивидов является критическим, т.е. логическим, использующим идеи-понятия, в большинстве своем абстрактные, то

мышление толпы, напротив, автоматическое. Над ним господствуют стереотипные ассоциации, клише, глубоко сидящие в памяти. Толпа пользуется конкретными образами. Московичи ссылается на Г. Лебона, который повторял в различных вариантах, что массы неспособны к абстрактным суждениям. Бесполезно, следовательно, обращаться к ним, вызывая к качеству, которым они не обладают³.

Мышление толп, отмечает С. Московичи, — это всегда мышление уже видимого и уже известного⁴.

Однако для торжества одержимых идей тиранов одной только толпы-стаи было недостаточно. Необходимо было подчинение толпы как социального слоя общества. И она подчинилась. Это было видно невооруженным глазом: ее восторженное отношение к тому или иному «великому» вождю, встречающие его ликующие массы людей, которые протягивали ему своих детей для благословения, радостное признание их мессиями и гениями... Их действительно боготворили и обожали, видели своими спасителями.

Но подчинение пришло не сразу: оно складывалось вначале из смертельного страха перед лжемессиями, подчинения большинству одобряющих и вследствие умелой пропаганды.

В этом широком смысле толпу можно определить как массу людей, носителей идеологии и менталитета, обладающую обывательским и усредненным сознанием, некритичным и низко интеллектуальным, всасывающим в себя как власть и государство со всеми его институтами и органами, так и рядового человека. Я считаю главной основой одержимых идей вождей. Она является носителем определенной идеологии, которая иногда, чаще в тоталитарных странах, есть в то же время идеология государства и общества.

Здесь понимание толпы примерно такое же, что и уже давно известного термина «масса» (В. Райх, Э. Канетти, С. Московичи). Примерно, но это все-таки не совсем совпадающие понятия. Толпа как социальный слой — это наименее мыслящая и наиболее покорная власти, предрассудкам, традициям и т.д. часть массы. Если хотите, это худшая составляющая общества, хотя и самая многочисленная, менее образованная, менее думающая, менее крити-

³ Московичи С. Век толп. М., 1996. С. 128—129.

⁴ Московичи С. Указ. соч. С. 131.

ческая и более легковверная, с примитивными художественными потребностями и низкой общей культурой. В ней можно найти рабочих, крестьян, предпринимателей, служащих всех рангов вплоть до административной элиты, интеллигенцию (меньше всего творческую), политиков всех уровней, наконец, представителей маргинальных, бездействующих слоев населения.

Из толпы как носителя идеологии и менталитета рекрутируются публика и члены толпы-стаи. У толпы свои бытовые кумиры — киноактеры, модели, но прежде всего эстрадные певцы и политики, а особенно — лжемессии. Политические кумиры — это почти боги, их авторитет непререкаем, а слово — закон. Они идут за лидерами — лжемессиями, они ведомые, потому что нуждаются в отце, убегая тем самым от свободы. У них выработалась многовековая привычка к тому, что есть ведущий отец. Можно предположить, что такая толпа достаточно инфантильна.

К. Ясперс писал, что свойство толпы в качестве публики состоит в призрачном представлении о своем значении как большого числа людей; она составляет свое мнение в целом, которое не является мнением ни одного отдельного человека; бесчисленные другие, ничем не связанные многие, мнение которых определяет решение. Это мнение именуется «общественным мнением». Оно является фикцией мнения всех, в качестве такового оно выступает, к нему взывают, его высказывают и принимают отдельные индивиды и группы как свое⁵.

В. Райх прямо связывал психологию масс с фашизмом. Он подчеркивал, что Гитлер, конечно, зажигал своими идеями массу, но центр исследования массовой психологии переносится с метафизики «идей фюрера» на реальность общественной жизни. «Фюрер» может творить историю только тогда, когда структура его личности соответствует личностным структурам широких масс.

Таким образом, подобная толпа имеет свою идеологию, свои вкусы и пристрастия, в том числе политические, эстетические и т.д.

Чтобы понять, что такое толпа как носитель идеологии и менталитета, необходимо выяснить, что такое идеология и некоторые связан-

ные с ней понятия. Идеология представляет собой систему взглядов и идей — политических, правовых, нравственных, философских, экономических. В тоталитарных и даже полутоталитарных странах господствует единственная («единственно верная») идеология, изгоняющая, преследующая и уничтожающая любую другую. При этом, как правило, эта господствующая идеология является продуктом творчества мессии или лжемессии. Идеология, а тем более господствующая (единственная), оказывает огромное влияние на все сферы жизни общества — правовые, нравственные, бытовые и особенно на экономику. Так, на примере СССР очень хорошо видно, что идеология способна тормозить экономическое развитие страны, делать людей бедными, вырабатывать определенное, точнее пренебрежительное, отношение к труду, лишать их перспектив в жизни.

Всегда пессимистичному Ясперсу представлялось, что идеологией называется система идей или представлений, которая служит мыслящему субъекту в качестве абсолютной истины, на основе которой он строит свою концепцию мира и своего положения в нем, причем таким образом, что этим он осуществляет самообман, необходимый для своего самооправдания, для маскировки своих подлинных интересов, для того, чтобы тем или иным способом уклониться от требуемых решений к своей выгоде в данной ситуации. Поэтому квалификация мышления для идеологии означает выявление заблуждения и разоблачение зла. Наименование какого-либо мышления идеологией — это обвинение в том, что сказанное не соответствует истине, что оно неправдоподобно, следовательно, это решительное нападение⁶.

Эти весьма важные положения требуют некоторых комментариев.

Во-первых, далеко не всегда сознание субъективного мира и своего положения в нем означает самообман; очень многие люди верят, что данная идеология, взятая ими на вооружение, является истинной. Поэтому она не будет использоваться в качестве самообмана в целях маскировки своих подлинных интересов, что можно отнести и к фашизму, и к коммунизму. Взятая на вооружение идеология может отражать реальные потребности данного человека.

⁵ Ясперс К. Власть массы // Ясперс К., Бодрийяр Ж. Призрак толпы. М., 2007. С. 45.

⁶ Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1991. С. 146.

Во-вторых, квалификация мышления для идеологии вполне может означать выявление заблуждений и разоблачение зла. Но многие из тех, что творят зло, вовсе не руководствуются никакими идеями, это им просто не приходит в голову. Они зверствуют, подчиняясь своим садистическим или некрофильским наклонностям.

В-третьих, квалификация мышления для идеологии отнюдь не всегда означает выявление заблуждения и разоблачения зла. А идеологии непричинения зла, если человек искренне верит в это и соответственно поступает, для разоблачения зла может не оставаться места.

Конечно, индивид вне толпы, если под ней понимать его близких, родителей, воспитателей, родственников, друзей, и т.д., социальным существом стать не может. Они передают ему правила и стандарты поведения, указывают на духовные ценности, взгляды, представления и т.д.

Общество постоянно трансформируется, и если то, что раньше было просто массой, которую можно было не брать в расчет, то теперь она имеет голос, становится толпой, с которой надо считаться и расположение которой надо завоевывать. Поэтому массу следует именовать толпой, различая ее отдельные виды, тем более что массой можно назвать и животных, а толпой — только людей.

В любом, самом жестоком тоталитарном обществе, казалось бы раздавленном лжемассией, всегда можно найти слой людей с другой идеологией, в том числе осуждающий господствующую и борющийся с ней.

А. В. Брушлинский отмечал, что если изначально толпа есть скопление людей в одном и том же замкнутом пространстве в одно и то же время, то публика — рассеянная толпа. Благодаря средствам массовой информации теперь нет необходимости организовывать собрания людей, которые информировали бы друг друга. Эти средства проникают в каждый дом и превращают каждого человека в члена новой массы. Оставаясь у себя дома, читатели газет, радиослушатели, телезрители и т.д. существуют вместе как общность, как особая разновидность толпы.

При всей бесспорной и исключительной важности этих выводов можно поставить вопрос, считал Брушлинский, о целесообразно-

сти и правомерности понимания толпы — не только стихийной, но и организованной в виде политической партии, армии, церкви и т.д.

По крайней мере, в русском языке слово «толпа» ассоциируется с его исходным и основным понятием «скопление людей, сборище», что может помешать его расширительному пониманию. И тогда, вероятно, стоило бы в случае организованных, «рассеянных» и т.д. больших общностей людей применять термин «массы», но не «толпа». Чем интенсивнее идет процесс рассеивания, тем острее встает вопрос о том, является ли человеческий индивид социальным, если он находится вне толпы, вообще вне определенной общности людей⁷.

Мне представляется, что разница между толпой и массами невелика, возможно, ее вообще нет. Мы используем слово «толпа» как нечто не очень думающее, плохо улавливающее сокровенные мысли и смыслы, точнее — смыслы вообще вне ее возможностей. Чернь — это самый низший слой толпы.

Деление толпы на толпу как носителя идеологии (лучшее название еще предстоит определить) и на толпу как стаю (скопище людей) следует считать совершенно необходимым. Тогда не будут понимать толпу только как социальное животное, сорвавшееся с цепи (С. Московичи). Толпа как носитель идеологии может и не превращаться в скопление людей, тем более гигантское, а достигать своей цели иным путем, например подачей своего голоса на выборах, а главное, выработкой своей ментальности, которую по механизмам коллективного бессознательного вбирает в себя каждый появившийся на свет. В толпе обоих типов отдельный человек ощущает себя частицей единого мощного целого, хотя в отдельных случаях это целое не более чем груда кирпича, которая может рассыпаться от сильного удара, как это, например, бывает во время гражданских войн.

Идеология тесно связана с менталитетом, ментальностью народов. Ментальность представляет собой совокупность ощущений народа относительно себя, своих отношений к себе и жизни вообще, а также отношение к другим народам и их культурам. Ментальность находит свое выражение в привычках, традициях и обычаях, пристрастиях и предпочтениях, стандартах поведения в быту, общественных местах, на

⁷ Брушлинский А. В. Социальная психология в России и теория Сержа Московичи [предисловие] // Московичи С. Век толп. М., 1996. С. 15—16.

работе и т.д.; она выражается в символах, искусстве и литературе. Ментальность включает в себя позицию относительно власти и ко всему тому, что стоит «над». Но ментальность может быть разной у разных социальных групп, например у рабочих и интеллигенции, у низших, маргинальных слоев и интеллектуальной элиты, хотя их принадлежность к одной расе, нации и религии способна сближать их, иногда максимально. Последнее можно наблюдать у народа (нации) небольшой численности.

Ментальность — намного более консервативное образование, чем идеология, которая, хотя и может «захватывать» другие страны и народы, гораздо более динамична и подвижна. Но это нельзя полностью утверждать, говоря об идеологии, основанной на религии, которая может пронизывать как идеологию, так и ментальность, нередко связывая их воедино. Последняя не только более консервативна, но и более глубока, а поэтому может быть названа «душой народа», или психологией народа. И ментальность со временем тоже, конечно, меняется, как, впрочем, и религия. Так, католицизм XXI в. совсем не похож на католицизм XV в. Меняется и ислам, постепенно, очень медленно избавляясь от изживших себя форм (например, в Турции и Египте).

В. Вундт полагал, что «душа народа всегда состоит из единичных душ, причастных ей; она — ничто вне последних, и все, что она порождает, приводит нас с необходимостью назад, к свойствам и силам индивидуальной души. Но если, как это само собой разумеется, предварительные условия всего, что порождается известным составным целым, уже должны содержаться в его членах, однако этим совсем

не утверждается еще, что все продукты, создаваемые составным целым, вполне объяснимы из предварительных его условий»⁸.

Эти конструктивные рассуждения можно продолжить, отметив, что целое как продукт и совокупность единичных в то же время оказывает обратное влияние на свои составные части, т.е. отдельных людей из числа рабочих, крестьян, предпринимателей и т.д. Каждый из них делает «как все», подчиняясь общим стадным инстинктам, и поклоняется тем кумирам, которым подчиняются все остальные. Между тем любая культура своей составной частью имеет толпу, однако познание культуры не может быть обеспечено в полной мере только с помощью психологии, игнорируя экономику, политику, религию, географические факторы и др.

Исследованием психологии толпы занимается социальная психология, но его результаты весьма значимы не только для самой психологии, но и для права, криминологии, криминалистики, политологии, психиатрии, истории, этнологии и некоторых других наук. Изучение психологии толпы имеет большое практическое значение, например, для принятия политических решений, борьбы с преступностью и т.д.

Толпа доверчива, ее легко можно убедить в самом невероятном, а общественное мнение, которое часто выдается за мнение всего общества (населения), — это, в сущности, лишь мнение толпы, которая составляет большинство в любой стране. Поэтому результаты выборов отражают предпочтения именно толпы, а не всей страны (общества). Вот почему самые серьезные сомнения можно высказать в отношении всеобщего избирательного права⁹.

⁸ Вундт В. Психология народов. М.: СПб., 2002. С. 22.

В. О. Ключевский писал, что народ «свою роль в мировой сцене выполняет теми силами, какие успел развить в себе своим историческим воспитанием. Идеал исторического воспитания народа состоит в полном и стройном развитии всех элементов общежития и в таком их соотношении, при котором каждый элемент развивается и действует в меру своего нормального значения в общественном составе, не принижая себя и не угнетая других. Только историческим изучением проверяется ход этого воспитания. История народа, научно воспроизведенная, становится приливо-расходной его книгой, по которой подсчитываются недочеты и передержки его прошлого» (Ключевский В. О. Русская история. М., 1912. С. 7).

⁹ Подлежат коррекции и устоявшиеся взгляды по поводу того, что каждый народ должен сам решать свою судьбу. Если в стране захватывает власть тиран, объявивший себя мессией, любой тиран, установивший кровавый режим, он должен быть свергнут по решению Организации Объединенных Наций (Совета Безопасности). Если бы демократические страны свергли бы Ленина, а затем и Гитлера путем вторжения соответственно в Россию и Германию, были бы спасены миллионы жизней, не было бы Второй мировой войны и т.д. Границы государства должны быть неприкосновенны только в том смысле, что это государство (страна) не может быть аннексировано другими либо стать объектом разбоя или мести.

В любой стране есть немало маргинальных личностей, темных, невежественных, неграмотных, не думающих людей, которые, помимо своей ближайшей и, как правило, примитивной потребности ничего, не знают. Не понимают они и того, что для них действительно нужно, что нужно обществу. Стоит ли таким лицам давать право избирать и быть избранным?

Рассмотрим футбольный фанатизм. Сама игра в футбол достаточно старинная, а игра в мяч — просто древняя.

Существует множество разновидностей футбола, в основном с меньшим количеством игроков, в том числе: футзал (AMF) и футзал (FIFA) — мини-футбол (играют в зале на специальном покрытии), шоубол (играют в адаптированной хоккейной коробке с искусственным покрытием), дворовый футбол (играют на любом покрытии на полях любого размера любым количеством людей), пляжный футбол (играют на песке), «речной» футбол (играют по колено в воде, ежегодный турнир проходит в английском г. Бёртон), «болотный» футбол (играют на болоте), футбольный фристайл (исполняют всевозможные финты и трюки), рашбол (играют на поле, разделенном на зоны вратаря, штрафного удара, атаки, защиты и нейтральной), фуддаблбол (играют двумя мячами). Существует еще и американский футбол, в котором решающее значение имеет грубая сила.

Нас, естественно, интересует не только сама игра (почему интересует — поясню ниже), но и ее зрители, причем не те, которые смотрят футбольный матч по телевидению, а которые ходят на стадионы. И те, и другие — болельщики, даже среди телевизионных могут быть фанатически настроенные люди, в том числе те, которые не ходят на стадион по причине нездоровья или преклонного возраста. Мы же должны сосредоточить свое внимание на стадионных болельщиках: это понятие в широком смысле включает фанатически охваченных людей (на жаргоне — фанатов, даже фанов), среди которых выделяются футбольные хулиганы. Вот они и называются фанатами, носителями «высокой» идеи превосходства «своей» команды над всеми остальными. Футбольный хулиган буквально одержим этой идеей, и его типичными чертами являются: почти полное незнание подлинного уровня мастерства обожаемой команды и особенно каждого игрока, несмотря на это, все они размещаются им на недосягаемой другими высоте. Он может и не очень разбираться в правилах игры. Но, конечно,

такой фанатик-хулиган (одержимый) должен понимать, что команда-соперник объективно лучше, и у ее игроков намного лучше отточено мастерство. Тогда почему же он затевает драку или лезет в нее за любимую команду?

Ответ не очень сложен: потому что она своя, она стала любимой, причем каким образом и почему, он может и не понимать. Дело подчас и не в самой команде, а в том, что «болевание» за нее составляет основу его восприятия и самоуважения, поскольку такое «болевание» позволяет ему войти в референтную группу. Оранжевое в ее рядах во время матча, а тем более драка за нее означают его признание, столь важное для него членство в ней. Последнее для него тем более важно, если данный человек от природы или по иной причине агрессивен. Это наиболее заметно, когда играют примерно равные по силе команды, но «наша» команда проиграла не потому, что она хуже, а потому, что ей не везло, судья был неправ и необъективен, вообще подкуплен, погода для «наших» была плохая и т.д.

Таким образом, группа фанатов-хулиганов — это социально депривированные личности, вычеркнутые из нормального общения и находящиеся в своем объединении коллективного отца, в котором они остро нуждаются. В этом объединении они сильны и могут показать другим, чего стоят. К тому же о других ничего хорошего сказать нельзя, поскольку они не понимают, что самая лучшая команда футболистов это та, за которую болеют «эти» фанаты, а раз не понимают, значит, они глупы и ничтожны. Тем более их стоит проучить. Одержимость идеей «своей» команды побеждает.

Современный футбол — это эквивалент войны, но мирной. Сражение идет на поле, а вне его — продолжается. В 1985 г. в ходе беспорядков на бельгийском стадионе «Эйзель», где проходил финальный поединок Кубка европейских чемпионов между «Ливерпулем» и «Ювентусом», погибли 39 футбольных болельщиков. В результате все английские клубы были отстранены на пять лет от участия в европейских клубных турнирах. Англичане были зачинщиками и наиболее активными участниками.

Группировки футбольных фанатов — наглядное свидетельство архетипов «свой» и «чужой». «Чужой» — это другая футбольная команда и ее сторонники, болельщики, чаще тоже фанаты, другого города или региона, вообще другой страны, которые наделяются всеми отрицательными характеристиками. По-

этому на них можно нападать и даже убивать, выливая накопившуюся ненависть из-за субъективно ощущаемой угрозы со стороны среды и своих психотравмирующих переживаний. Но иногда убийственная агрессия обрушивается не на «чужих» фанатов, а вообще на посторон-

них, не имеющих никакого отношения ни к одной из сторон. На них вымещают свою злобу, если «их» футболисты проиграли, или даже буйную радость, если они выиграли. Сказанное характерно для всех стран, где есть агрессивные футбольные фанаты.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Брушлинский А. В. Социальная психология в России и теория Сержа Московичи [предисловие] // Московичи С. Век толп. — М., 1996.
2. Канетти Э. Масса и власть. — М., 1997.
3. Лозинский С. Роковая книга Средневековья [предисловие] // Шпренгер Я., Инститориус Г. Молот ведьм. — Саранск, 1991.
4. Московичи С. Век толп. — М., 1996.
5. Ясперс К. Власть массы // Ясперс К., Бодрийяр Ж. Призрак толпы. — М., 2007.
6. Ясперс К. Смысл и назначение истории. — М., 1991.

Материал поступил в редакцию 21 февраля 2017 г.

OBSESSION WITH AN IDEA AS A MOTIVE FOR CRIMINAL BEHAVIOUR

ANTONYAN Yuriy Miranovich — Doctor of Law, Professor of the Moscow Region State University, Honoured Science Worker of the Russian Federation
antonyaa@yandex.ru
105005, Russia, Moscow, Radio Str., 10A

Review. The article is devoted to the motive, which is yet to be distinguished and studied by the domestic scientific literature. This is largely due to the fact that the domestic criminology has not paid enough attention to the crimes caused by totalitarian regimes (with the exception of the monograph by V.N. Kudryavtsev and A.I. Trusov "Political Justice in the USSR", 2002) and by the church. The article consistently explores the concept of obsession with an idea, names the types of obsession that will be explored in this article in connection with the religious belief practice, totalitarian dictatorships establishment, fanatical football fans. The author provides extensive data on the atrocities of the Catholic Church, the role of obsession in establishing a new (totalitarian) regime and maintaining the power. The article stresses the role of the crowd, and therefore justifies its division into crowd-flock and a crowd as a certain social strata. The obsessed stimulate the crowd and at the same time identify fanatics willing to fulfill any orders including the bloodiest ones. The author provides necessary arguments.

Keywords: obsession, idea, bigotry, religious freaks, the crowd as a social strata, crowd-flock, Islamic fanaticism, suicide obsession, nurturing fanatics, football fanaticism.

BIBLIOGRAPHY

1. Brushlinsky, A. V. Foreword to the Russian Edition of the Monograph by S. Moskovici "The Age of the Crowd". M., 1996.
2. Canetti, E. Crowds and Power. Moscow, 2007.
3. Lozinskiy, S. Fatal Book of the Middle Ages. Foreword to iss. Ya. Schprenger and G. Institorisa (eds.) "Malleus Maleficarum". Saransk, 1991.
4. Moscovici, S. The Age of the Crowd. M., 1996.
5. Jaspers, K. Power mass // Jaspers, K., Baudrillard, Zh. The Ghost of the Crowd. M., 2007.
6. Jaspers, K. The Origin and Goal of History. M., 1991.